
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 5—11.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 5—11.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"18"

DOI: 10.46726/H.2025.1.1

НАИВИЗМ НАСИЛЬСТВЕННОЙ СМЕРТИ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Евгений Евгеньевич Иванов

Московский международный университет, г. Москва, Россия, ayaom@list.ru

Аннотация. Предметом размышления в статье стала неочевидная идейная позиция автора, неординарная жанровая структура героиней сферы, сильная позиция названия произведения и некоторые моменты контекста. Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» рассматривается как своеобразный художественный ребус, разгадка которого ведёт к пониманию авторской логики. Дан ретроспективный метароманно-тематический экскурс в проблематику первого романа Ф.М. Достоевского. Тотальная рациональность, присущая образу взрослого Раскольникова (в противовес его спонтанному детскому протесту против убийства лошади), в связке с интенцией совершить преступление сопоставлено с созерцательно-пассивным модусом существования князя Мышкина. Охарактеризовано соположение инстанций Автора-Творца и главного героя в ракурсе эстетики наива. Вопрос христианских концептов из теологической плоскости перенесён в область аналитики художественного. Особое внимание уделено относительности представлений об убийстве как социальном феномене в преломлении творчества Ф.М. Достоевского. Эволюция темы насильственной смерти в анализируемых романах с наивистических позиций предстаёт результатом гипертрофированной рациональности, противоестественным феноменом, чуждой истинной природе человека, которая как правило связывается с душой. Окказиональный топос в творчестве писателя, «реализм в высшем смысле», в ракурсе наивизма даёт возможность новой трактовки нелинейного развития художественной мысли писателя.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Идиот», «наив», Христос, убийство, герой, реальность

Для цитирования: Иванов Е.Е. Наивизм насильственной смерти в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 5—11.

В романе «Идиот», начиная с названия, возникает неуверенность в адекватной рецепции авторского слова. Именованное «идиот» в оценочно-снижающем значении этого понятия останавливает в оценке главного героя как положительного персонажа. Мало что проясняет и зафиксированное в литературоведении намерение автора «изобразить положительно прекрасного человека» [Достоевский 28.2: 251], поскольку в его основе лежит утрирующий оборот, видимо, намекающий на *отрицательно прекрасного* человека Раскольникова, который решил облагодетельствовать человечество, начав с убийства никчёмной старухи. Не много дают и другие историко-литературные изыскания. Так, запись «князь Христос» из набросков к «Идиоту» в строгом семантологическом (О. Фрейденберг) подходе предстаёт оксюмороном: «князь» с его коннотацией господства, власти, а значит, и насилия (ср. Князь Тьмы) и «Христос», который по мнению Ф. Ницше, образец «остроумия, блаженства мира, мягкости, неспособности быть врагом» [Ницше: 18]. Также, делая князя Мышкина «идиотом», Автор-Творец предельно дистанцируется от кругозора героя, ставит себя в надполифоническую позицию. В противном случае в тексте присутствовали бы непосредственные указания на метафизический план трактовки высокого смысла образа князя Мышкина. В этом смысле интересна реплика Бахтина о Достоевском, о которой вспоминает С. Бочаров: «Еще одна тема звучала настойчиво — о НЕНАИВНОСТИ Достоевского. Он — самый ненаивный. Перед Достоевским наивными кажутся все: Гоголь в “Выбранных местах” наивен очень, Толстой любовался многим, Достоевский ничем не любовался и только искал...» [Бочаров: 474]. В такой изошрённой подаче литературного материала можно сказать, что и «Идиот» — самый «ненаивный» из всех романов писателя.

И. Плеханова в статье, посвящённой «Идиоту», определяет «художественный наив» как «простодушие в действии, концептуальную заявку на героя-идеалиста, провоцирующего всех своей чистотой и активностью. Его появление — индикатор потребности в простом-насушном и способности автора творить “неслыханную простоту”» [Плеханова: 85], а «наив» непосредственно Князя Мышкина именуется исследователем как «высокий»: «В высоком наиве, простодушном, но не тождественном простоте, сходятся правда, красота и невинная воля» [Там же: 92]. Опираясь на данную интерпретацию образа главного героя в романе «Идиот», мы попытаемся определить функционал наива как художественного приёма в контексте сквозной для Ф.М. Достоевского темы насильственной смерти.

Своей первостепенной задачей мы полагаем выявить смысл названия, разобрать схему любовных отношений, определить жанровую пару «герой-героиня», рассмотреть тему убийства в метароманной связке с «Преступлением и наказанием». Для достижения намеченного применялся структурно-семантический и герменевтический анализ.

Продуктивный диалог с авторским «я» предполагает расшифровку поэтологического кода романа. Сложная конструкция романного жанра не позволяет говорить напрямую о наивизме идиостиля, но допускает ввод приёма «мир впервые» в облике героя изоморфно приёму остранения, который используется при анализе «мира наизнанку» в произведении. Затруднённость понимания прозы Ф.М. Достоевского состоит в его уникальном методе, «реализме в высшем смысле», который подразумевает не только полилог отдельных «голосов» в персонажном конструкте, но и трансцендентно иную сферу, за гранью доступного знания. Наличие непостижимого в криптопоэтике «Идиота» обозначено темой убийства, которое у Достоевского радикально отличается от других

романных убийств. Убийство в исследуемом романе странное, загадочное, требующее не только осмысления намёков в ономастическом ракурсе, но и разбор любовного квадрата (герой и героиня любят ещё двоих персонажей), и объяснение самого феномена насильственной смерти в практике человеческих отношений.

Подводный камень — «Князь Христос» из черновицкого контекста языковой игры именованного героя в самом произведении акцентирован диссонансом имени и фамилии, который объясняется, если автор закладывает суицидальный смысл, ведь мышшь — потенциальная жертва льва. В любом случае Достоевский не имел в виду канонического посланника божьего, и это — привязанная к художественному замыслу данного романа символизированная креатура. В данном виде князь Лев Мышкин противостоит другим полифоническим героям писателя. «Наивность — это растворённый в бытии символ, а символ — это сконцентрированный до самовыразительности наив» [Жукоцкий, Жукоцкая: 128]. Он носитель определённой идеи, но идея эта дана не в развитии его внутреннего мира. Мир идиота цельный и устоявшийся, идиотизм неизлечим, если говорить о коннотации психического отклонения. Не без влияния этого романа, наверное, Ф. Ницше высказался об Иисусе как посланнике и жителе иного мира: «Чтобы сделать из Иисуса героя! И более того, какое недоразумение вызывает слово “гений”! Вся наша концепция, наша культурная концепция “духа” не имеет никакого значения в мире, в котором живет Иисус. Произносимое с точностью физиолога, даже совершенно другое слово было бы здесь более уместным — слово идиот» [Ницше: 18]. Резюмируя эту часть ребуса, констатируем, что идея главного героя в том, что он идиот — это значит быть «не в себе», то есть не в повседневном эгоизме нормальных людей. Как сказал Г. Гачев: «в слове наивного — Логос двух ипостасей Абсолюта: Матери (и) Природы и Бога-Духа» [Гачев: 29].

Тема насильственной смерти, центральная в «Преступлении и наказании», в романе «Идиот» звучит в кругозоре не героя-интеллектуала убийцы, а в противоположном онтологическом измерении. Главный герой романа князь Мышкин находится вне поля насилия благодаря его маргинальной особенности, обозначенной автором как отклонение от нормы — «идиот». Мир глазами идиота даёт антропологическую возможность радикального остранения реальности и положения дел в социуме. С опорой на опыт психологического подхода к толкованию феноменов культуры В.П. Руднева попробуем рассмотреть заявленную проблему. Ракурс “*tabula rasa*” героя позволяет увидеть убийство как «мир впервые», или наивно, без искушения осмыслить феномен убийства умозрительно. Такой подход восходит к шиллеровской традиции, связь с которой в достоевсковедении не подвергается сомнению. По предположению А.Н. Рылевой, «слово “наивный” входило в оборот и благодаря переводам Ф. Шиллера (он рассмотрел понятие “наивный” в работе “О наивной и сентиментальной поэзии”» [Рылева 2021: 77]. Князь Мышкин обладает наивно-детским миросознанием, которое как коррелят «идиотизму» выявляет искусственность и контингентность человеческого существования, когда все представления о реальном мире иллюзорны. В «Идиоте» под явленными предметами скрывается суть, противоположная их привычной рецепции. «Знаете, я не понимаю, как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его?» [Достоевский 28.2: 459], — простодушно удивляется князь Мышкин. Его непосредственный взгляд на мир, оптика «естественного человека» соотносимы с восприятием из рая исполненной насилиями земной жизни.

Убийство как предельная форма заострения проблемы нормальности в жизни общества раскладывается в романе на два модуля. Первый — это лигитимизированная смертная казнь, второй — как роковая и иррациональная страсть. Остранённость в смертный час перед казнью достигается через «акцентирование случайного, незначительного и никак не связанного с наблюдателем <...> в ситуации переживания приговорённого к смертной казни перед исполнением приговора в “Идиоте” (рассказ князя Мышкина)» [Иванов, Иванова: 38]. Преступник, замороженный лучами солнца, только перед лицом смерти осознаёт упущенную счастливую жизнь «по-идиотски», без суеты, которая считается ненормальной. Обычная жизнь чревата преступлением и предстаёт ошибкой на контрасте с христианской заповедью «Не убий!», которую остенсивно транслирует князь Мышкин в его примере о казни. Именно казнь как порочная норма наказания является здесь преступлением, замыкая круг насилия человеческого общежития, лишённого гармонии. И неудивительно, что обыкновенного языка не хватает для передачи абсурдности насилия ради насилия. Требуется визуальный код рисунка лица человека перед казнью, который самоочевиден и создаёт эффект «мира впервые», наивного, и тем самым действительно убедительного. Именно рисунок, по мнению А.Н. Рылевой, «мгновенно, как взмах волшебной палочки» является «единственным способом быстро создать желаемую реальность наива» [Рылева 2005: 51].

Во втором убийстве релятивно представлена героиня наррация Рогожина в «закадровом» плане как некое таинство. Мы не видим убийство Настасьи Филипповны, нам не сразу понятен его смысл, и оно не является следствием аффективного помутнения рассудка. Как это было и с Раскольниковым, наибольшую эмпатию вызывает сам убийца, а не его жертва. Это убийство надо рассматривать в контексте целого, которое у Достоевского не только полифония голосов внутри наличного мира, но и симметрия отдельных полноценных миров. Полное имя главного героя — Лев *Николаевич* Мышкин. И центральная часть этой ономастической конструкции может трактоваться в связи с фигурой святого Николая, который, как известно, покровитель сирот и путешественников. И то и другое соответствует биографии главного героя романа. Николай-угодник, таким образом, защитник людей бездомных, неприкаянных, не укоренённых в бытии на социальном уровне. Предположение о небесном посланничестве, скрытом в отчестве Льва Мышкина, аннигилирует зооморфные края именоватальной загадки героя, связанные с особенностью кошачьих поедать мышей. Надмирный, «райский» порядок в образе Льва Мышкина, свободный от противоречий величественного («лев») и мелкого, тварного («мышь») в имени-фамилии, низа и верха, плоти и духа диссипативно противопоставлен хаосу непримиримых добра и зла в экзистенциальном образе Рогожина, который олицетворяет насильственность обманчиво нормального мира с его влечением к страданию и смерти.

Миры хаоса и порядка тем не менее синергетически открыты друг другу и не имеют демаркационных линий. Их взаимная полнота радикально обнажает природу человеческого существования, в котором мнимое кажется нормой, а понять это можно только насильственным путём первобытного жертвоприношения. В этом и кроется смысл слов Ф.М. Достоевского, что князь Мышкин — «князь Христос», который, как известно, для спасения мира принёс в жертву себя, а не своего ближнего. Данная альтруистическая замена в космогонии жертвоприношения делает учение Христа на самом деле Новым по отношению к предшествующим ему культам, а образ Спасителя не соответствующим нормальности

символического обмена, лежащего в основе семиозиса жертвоприношения. Будучи на порядок выше старого мира, и Иисус, и Идиот относятся к нему с пониманием, поэтому исследователи говорят о «синтезе» Рогожина-Мышкина: «о двух героях говорится как об одном» [Щетинин: 28] или о «двойственном герое» [Касаткина 2021: 18].

В романной логике действительным любовным союзом являются князь Мышкин и Настасья Филипповна, поскольку и тот, и другая двуедино-симметрично любят двоих, тем самым разрушая стандартный паттерн семьи. Это герой и героиня романа «Идиот». В финале они исчезают из читательского кругозора. Один в горный хронотоп, другая — в мир иной, что семиотически соразмерно. Смерть героини нужна для устранения любовной коллизии и дисгармонии в жизни вторых возлюбленных — Аглаи и Рогожина. Поэтому самопожертвование и подразумеваемое в этимологии имени «воскресение» Настасьи Филипповны распространяются и на Мышкина в ипостаси «князь Христос». В «Идиоте» в отличие от «Преступления и наказания» актантом оказывается жертва, своим поведением, начиная с бегства из-под венца, подвигнувшая Рогожина на убийство. Похожий эффект косвенного влияния «положительно прекрасной» демагогии можно будет наблюдать в пьесе М. Горького «На дне», когда появившийся-исчезнувший Лука, проповедующий идею «не обижать человека», разворошил устоявшийся мир «дна» человеческих отношений (возможно, не без умысла) до состояния убийства Пеплом Костылева.

Подводя итог, отметим, что убийство в романе предстаёт в гносеологической («казалось/оказалось») форме. Этого удаётся достичь приёмом «мир впервые» — экфразисоподобной наглядности (рисунок лица казнимого) и самоочевидности в границах абсурдности наказания за преступление как убийства.

Насильственная смерть в её невозможности исправить положение вещей в мире отсылает к «Преступлению и наказанию», где душевное излечение Раскольникова также фиксируется в зрительно-наивистичном модусе (он смотрит на вольных кочевников вдали). Новизной в метароманной (ретро)перспективе является второе убийство, в котором коннотация «насильственной смерти» обращается в свою противоположность: убийство Настасьи Филипповны не насилие, и не смерть, а скорее обретение покоя, в котором угадывается воскресение в ином, трансцендентном мире. В первом романе писателя, где мотивом убийства стала «исходная претензия Раскольникова к Создателю — несовершенство мира» [Касаткина 2023: 258], наказанием становится не только его собственная исключённость из жизни в человечестве, но и само человечество получает эсхатологическую кару в виде эпидемии трихин, которую он видит во сне. Парадоксально, но в «Идиоте» единственным виновником события убийства становится князь Мышкин, который «мухи не обидит» и всем желает добра. Писатель этими релятивистскими перевёртышами показывает всю глубину проблемы реализации христианских идей в текущей жизни и то, насколько реальность далека от совершенства.

Двоемирие здесь и сейчас в образе главного героя и осуществление диссипативного неслияния горнего и земного в результате его деятельности происходит в сочетании слова «идиот» и приёма наива («мир как впервые»), который разрешает проблему оценочно-снижающего значения названия романа. «Идиотизм» из отрицательной ущербности в значении слова выворачивает ложный мир наизнанку, превращает его в хаос, производящий насилие, и предстаёт возможностью, не выходя из рамок реализма, перейти к «реализму в высшем смысле».

Список источников

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972—1990.
 Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2005. Т. 6. 408 с.

Список литературы / References

- Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. 632 с.
 (Bocharov S.G. Subjects of Russian literature, Moscow, 1999, 632 p. — In Russ.)
- Гачев Г.Д. Плюсы и минусы наивного философствования // Философия наивности / сост. А.С. Мигунов. М.: МГУ, 2001. С. 29—35.
 (Gachev G.D. Pros and cons of naive philosophizing, *Philosophy of naivety*, ed. by A.S. Migunov, Moscow, 2001, pp. 29—35. — In Russ.)
- Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Символизм и наивность // Философия наивности / сост. А.С. Мигунов. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 128—130.
 (Zhukockij V.D., Zhukockaja Z.R. Symbolism and naivety, *Philosophy of naivety*, ed. by A.S. Migunov, Moscow, 2001, pp. 128—130. — In Russ.)
- Иванов Е.Е., Иванова Г.П. Метароманный комплекс просветления в поэтике прозы Г. Газданова // Культура и текст. 2023. № 1 (52). С. 33—50.
 (Ivanov E.E., Ivanova G.P. Metanovel complex of enlightenment in the poetics of G. Gazdanov's prose, *Culture and Text*, 2023, no. 1 (52), pp. 33—50. — In Russ.)
- Касаткина Т.А. Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: о высшей и низшей природе человека // Христианское чтение. 2021. № 4. С. 14—30.
 (Kasatkina T.A. F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot": about the higher and lower nature of man, *Christian reading*, Moscow, 2021, pp. 14—30. — In Russ.)
- Касаткина Т.А. Обзор II Международной научной онлайн-конференции «"Преступление и наказание": современное состояние изучения» (Москва, 28 февраля — 2 марта 2023 года) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 241—314.
 (Kasatkina T.A. Review of the II International Online Scientific Conference "Crime and Punishment": the current state of study" (Moscow, February 28 — March 2, 2023). *Dostoevsky and world culture. Philological journal*, 2023, no. 2 (22), pp. 241—314. — In Russ.)
- Плеханова И.И. Авторефлексия наива: тип героя, модель творчества и художественная практика («Идиот» Ф.М. Достоевского) // XXI Свято-Троицкие ежегодные международные академические чтения в Санкт-Петербурге. СПб., 2022. С. 84—93.
 (Plehanova I.I. Naive self-reflection: the type of hero, the model of creativity and artistic practice ("Idiot" by F.M. Dostoevsky), *XXI Holy Trinity Annual International Academic readings in St. Petersburg*, St. Petersburg, pp. 84—93. — In Russ.)
- Рылева А.Н. Семантика слова «наив»: культурологические аспекты // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. 2021. № 21. С. 76—88.
 (Ryleva A.N. The semantics of the word "naiv": cultural aspects, *Russian Philology: Scientific notes of Smolensk State University*, 2021, no. 21, pp. 76—88. — In Russ.)
- Рылева А.Н. О наивном. М.: Академический Проект: Российский институт культурологии, 2005. 272 с.
 (Ryleva A.N. About the naïve, Moscow, 2005, 272 p. — In Russ.)
- Щетинин Р.Б. Развитие образов Мышкина и Рогожина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 304. С. 26—29.
 (Shhetinin R.B. The development of the images of Myshkin and Rogozhin in F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot", *Bulletin of Tomsk State University*, 2007, no. 304, pp. 26—29. — In Russ.)

THE NAIVISM OF VIOLENT DEATH IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL “THE IDIOT”

Evgeny E. Ivanov

Moscow International University, Moscow, Russian Federation, ayaom@list.ru

Abstract. The subject of reflection in the article was the author's non-obvious ideological position, the extraordinary genre structure of the heroic sphere, the strong position of the title of the work and some points of context. Dostoevsky's novel “The Idiot” is considered as a kind of artistic rebus, the solution of which leads to an understanding of the author's logic. A retrospective meta-novel-thematic background of F.M. Dostoevsky's first novel problems is given. The total rationality inherent in the image of an adult Raskolnikov (as opposed to his spontaneous childish protest against killing a horse) in conjunction with the intention to commit a crime are compared with the contemplative-passive mode of existence of Prince Myshkin. The juxtaposition of the Author-Creator and the main character in the perspective of the aesthetics of the naive is characterized. The issue of Christian concepts has been transferred from the theological plane to the field of artistic analysis. Special attention is paid to the relativity of ideas about murder as a social phenomenon in the refraction of F.M. Dostoevsky's work. The evolution of the theme of violent death in the analyzed novels from a naive standpoint appears to be the result of hypertrophied rationality, an unnatural phenomenon alien to the true nature of man, which is usually associated with the soul. An occasional topos in the writer's work, “realism in the highest sense” from the perspective of naivism provides an opportunity for a new interpretation of the nonlinear development of the writer's artistic thought.

Keywords: F.M. Dostoevsky, “The Idiot”, “naiv”, Christ, murder, hero, reality

For citation: Ivanov E.E. The naivism of violent death in F.M. Dostoevsky's novel “The Idiot”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 5—11.

Статья поступила в редакцию 13.07.2024; одобрена после рецензирования 26.07.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 13.07.2024; approved after reviewing 26.07.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Информация об авторе / Information about the auth

Иванов Евгений Евгеньевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, научный сотрудник, Московский международный университет, г. Москва, Россия, ayaom@list.ru

Ivanov Evgeny Evgenievich — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Humanities, Research Associate, Moscow International University, Moscow, Russian Federation, ayaom@list.ru